

«Когда в годы сталинского термидора появился запрос на трансформацию революционной романтики в романтику наступательной войны, Гайдар оказался вне конкуренции».

Столетие со дня рождения Аркадия Гайдара-Голикова (1904 – 1941) – праздник для читателей прошлого времени, когда Гарри Поттер еще не сменил на посту любимых детских персонажей – Тимура и Мальчиша-Кибальчиша

25

МОСКОВСКИЕ
НОВОСТИ

№ 2

23–29.01.04

ЮБИЛЕЙ

приключения Главного Буржуина

Роск. новости – 1004 / 29 янв. – с. 25.

Сейчас, когда светлое будущее уже прошло, а прошлое еще не стало, странно смотрится проза Гайдара, да и сама личность мастера советской сказки, некогда превращенного в живой символ революции, а сейчас кажущегося занятым экспонатом музея политической истории. Улыбающийся круглолицый человек в гимнастерке и галифе, с полевой сумкой и в шапке-кубанке – Гайдар тридцатых, любимый друг девочки.

Гайдар был канонизирован весь, от псевдонима и номера винтовки до кубанки; начиная от посещения тринадцатилетним Аркашiem большевистского клуба в Арзамасе, участия в составе ЧОН в борьбе с «кулацкими бандами» и вступления в 14 лет в Красную Армию (благодаря тому, что был рослым парнем и скрыл свой возраст) и кончая активным участием в гражданской войне. Командовал ротой, полком – сначала 23-м запасным в Воронеже, а потом 58-м отдельным, брошенным на подавление крестьянского восстания, организованного в Тамбовской губернии эсером Антоновым. Потом Голиков переброшен на границу с Монголией – добывает в Хакасии банду есаула Ивана Соловьева. Здесь у него проявляется травматический невроз, и в итоге в декабре 1924 года Голиков увольняется из армии и переключается на литературу.

Кстати, деятельности Голикова в Хакасии и в целом личности Гайдара была посвящена повесть Владимира Солоухина «Соленое озеро» («Наш современник», N 4, 1994). Во-первых, тут открывалось, что псевдоним «Гайдар» по-хакасски означает не «вперед идущий», а просто «куда» (Голиков искал банду Соловьева и у всех спрашивал: «Хайдар?», что значило: «Куда ехать?», так его тут и прозвали). Во-вторых, приводится много свидетельств о зверствах чиновцев вообще и о Голикове в частности.

После выхода пресной и скучной повести «В дни поражений и побед» (1925) Гайдар пытается сделать свои произведения интересными и себе, и читателю. Его подлинное отношение к НЭПу выражается в повести «Жизнь ни во что» (1926), в которой описана террористическая шайка, организованная рабочим из Перми Александром Лбовым, больше всего ненавидящим капитализм. В 1927 г. Гайдар пишет продолжение – «Лесные братья» о террористической группе рабочего Давыдова, одного из дружинников Лбова. Убийство как самоцель и борьба с капитализмом влекут его как темы. В 1926 году он создает приключенческий роман «Тайна горы» о гражданской войне, но это явная неудача. Все эти публи-

кации были периферийными (в газетах Перми и Свердловска) и успеха принести не могли. Гайдар продолжает поиски, пока не наталкивается на подлинное свое призвание – на литературу для детей. Это происходит после выхода повести «Школа» (1930). В течение следующего десятилетия появляются «Военная тайна», «Судьба барабанщика», «Чук и Гек» и «Тимур и его команда». Написано легко и просто, как строевой устав для детей, внедрялось же, как картофель при Екатерине. Ибо в годы сталинского термидора существовал запрос на трансформацию революционной романтики в романтику наступательной войны, и в этом Гайдар оказался вне конкуренции, сумев подобрать для патриотического воспитания доходчивую форму, в любой момент готовую перерасти в пафос. Еще его сочинения хороши тем, что практически лишены подтекста.

В «Тимуре и его команде» дядя Тимур, молодой инженер Георгий Гараев, разучивает арию для какой-то самодеятельной оперы. Его герой не спит ночами, 6-стопным ямбом вспоминает свое революционное прошлое двадцатилетней давности (незабываемый 1919-й!) и боится, надежно ли защищена страна сегодня: «Я третью ночь не сплю. Мне чудится все то же / Движенье тайное в угрюмой тишине. / Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет...». Почти парадокс «Бориса Годунова», звучащий пародийно.

В «Военной тайне» присутствует еще вполне коминтерновская идеология: погибший мальчик Алька – сын русского инженера Сергея и комсомолки, румынской еврейки Марицы Маргулис, убитой в «суровых башнях кишиневской тюрьмы», а в знаменитой сказке про Мальчиша-Кибальчиша Главный Буржуин подчеркнута лишен и национальности, и гражданства и беспокоится о тайных ходах из СССР в другие страны, то есть по поводу экспорта революции.

В «Тимуре и его команде» следов интернационализма и борьбы с Главным Буржуином уже нет, зато есть бесконечные признания в любви к Красной Армии, детская организация на манер партизанской, тайно борющаяся с нарушителями порядка «в тылу» (шайкой Мишки Квакина, обворовывающей фруктовые сады), тайно же помогающая семьям крас-

ноармейцев и в полном составе мечтающая отправиться на фронт; есть полковник Александров, в финале отправляющийся на бронепоезде на войну, инженер Гараев, дядя Тимур, оказывающийся капитаном танковых войск и тоже отправляющийся на войну с эшеленом. Куда едут эти эшелоны, не сказано, но работа над сюжетом о Тимуре, которая велась с конца 1939 по апрель 1940 года, по времени совпала с «зимней войной» (советско-финской), начавшейся 30 ноября 1939-го и завершившейся 13 марта 1940 года. Летом же 1940 года, когда полковник Александров и капитан Гараев уходили на очередную битву, была аннексирована Прибалтика. В промежутке между «Тимуром» и «Военной тайной» появилась «Судьба барабанщика» -- приключенческая повесть, в которой отдана дань шпиономании и повышению бдительности. Мальчик остался без присмотра взрослых и сразу попал в руки шпиона.

Гайдар откликнулся на все идеологические запросы эпохи. В конце рассказа «Чук и Гек» он – вне связи с сюжетом – например, написал, что «надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной» («Пионерская правда», 10 января 1939 г.). Эта пропаганда, подцепленная к забавному рассказу о двух мальчиках, внушалась посредством гигантских тиражей. Кстати, прокомментировать тут можно каждое слово. «Много трудиться» вызвано опубликованным 29 декабря 1938 г. постановлением Совнаркома, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины...», а любовь к Советской стране происходила из передовой статьи «Пионерской правды» за 1 января 1939 г. (где была напечатана первая порция «Чука и Гек»). «Еще крепче и горячее любите нашу замечательную родину... Сталина...». «Сталина», правда, Гайдар не написал. Вопрос о его отношении к Большому террору остается открытым. «Чук и Гек» начинались в первой публикации так: «Жил человек в Сибири возле синих гор. Он много работал, а работа не убавлялась». Потом печатали так: «Жил человек в лесу возле Синих гор». Что означала двусмыслица с Сибирью, неясно.

Впрочем, к одной идеологии проза Гайдара не сводится, патриотиче-

ИТАР-ТАСС

Аркадий Гайдар, любимец читателей прошлого времени

ское зомбирование разбавлено не только пафосом, но и густым слоем сентиментализма, что касается и «Военной тайны», и даже «Тимура». Примечательно, что смерть мальчика Альки, убитого камнем, который бросил пьяный бандит, почти точно воспроизводит историю Илюши Снегирева («Братя Карамазовы»), умершего от удара камнем «повыше сердца». Чтобы связь все опознали, начальника пионерского лагеря в Крыму Гайдар назвал Федором Михайловичем. Другим ресурсом сентиментального оказывается тоска по убитой матери в «Военной тайне» и смерть матери как источник всех последовавших затем трагедий в «Судьбе барабанщика».

В июле 1941 года Гайдар уезжает на фронт корреспондентом «Комсомолки», а потом поступает так, как поступил бы любой из его славных

героев: вступает в партизанский отряд. 26 октября 1941 г. в бою около Канева Гайдар погиб. Как писал поэт Яков Аким, «Не дожил Гайдар до победы, / Погиб за родную страну. / Не видел он наши ракеты / И вспаханную целину» («Мурзилка», N 2, 1962).

Не могу без боли думать о том, какой масштаб приобрело бы 100-летие Гайдара, если бы страна не обуржуазилась и сейчас бы шел своим чередом решающий, четвертый, год 15-й пятилетки. Номер «Нашего современника» с повестью Солоухина тихо пылится бы в спецхране, мы бы уверенно шли навстречу XXXI съезду... Впрочем, кажется, что мы и так к нему идем. Главный Буржуин, по крайней мере, в тюрьме – салют Мальчишу!

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Ч И Т А Т Е Л Ь